

Ю.А. Азаров

Гибель филолога

Аннотация: В статье дан обзор жизни и творчества выпускника филологического факультета Московского университета Олега Михайлова, трагически погибшего в мае 2013 года. Талантливый прозаик, литературовед, критик, автор множества книг, он долгие годы возглавлял в ИМЛИ созданный им Сектор литературы русского зарубежья.

Ключевые слова: Московский университет, ИМЛИ, Н.К. Гудзий, П. Палиевский, Вл. Лакшин, В. Чалмаев, Бунин, Шмелёв, Зайцев, литературная эмиграция первой волны

Abstract: This issue deals with life and work of O. Mikhailov, the graduate of the philological faculty of Lomonosov Moscow University, tragically died in May 2013. Talented prose writer, specialist in literary criticism, he headed for many years the sector of Russian emigre literature in Gorky Institute of World Literature.

Key words: Moscow State University, Institute of World Literature, N.K. Gudzy, P. Palievsky, V. Lakshin, V. Chalmaev, Bunin, Shmeljov, B. Zaytsev, First Wave Russian Emigre Literature

В ночь с 8 на 9 мая во время пожара на переделкинской даче трагически погиб выпускник филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Олег Николаевич Михайлов. Он получил широкую известность как талантливый прозаик, ученый-литературовед и критик, автор многих ярких работ о советской литературе, книг и учебников, признанный не только нашей стране, но и за рубежом. О. Михайлов работал в самых разных жанрах, прославился как исторический романист, автор биографических книг – «Суворов», «Кутузов», «Державин», «Генерал Ермолов», «Жизнь Бунина», «Жизнь Куприна», многих других публикаций, простое перечисление которых заняло бы, вероятно, не один десяток страниц. Среди написанных им книг автобиографическая трилогия «Час разлуки», «Пляска на помойке», «Вещая мелодия судьбы». Можно без преувеличения утверждать, что его труды обогатили отечественную филологическую науку и культуру. Он стоял у истоков

изучения литературы русской послереволюционной эмиграции, всегда самоотверженно служил делу возвращения на родину ее духовных ценностей. В памяти коллег и друзей светлый образ этого выдающегося человека останется навсегда.

В Московский университет О. Михайлов поступил в 1950 году – после Курского суворовского училища и Московской спецшколы военно-воздушных сил. Он мечтал о карьере дипломата, но, придя на филфак, сделал для себя поистине судьбоносный выбор, которому не изменил до конца жизни. Его учителем стал тогда великий Н.К. Гудзий, руководивший семинаром по творчеству Льва Толстого. О. Михайлов вспоминал, что именно ему обязан любовью к слову, способностью наслаждаться художественным талантом. Гудзий учил своих питомцев быть принципиальными и независимыми в литературоведческой науке, воспитал способность выдерживать удары ревнителей идеологической чистоты и доктрины соцреализма. Эту школу прошли его друзья по семинару и однокурсники – впоследствии видные критики и литературоведы – Петр Палиевский, Владимир Лакшин, Виктор Чалмаев. О. Михайлов сразу выбрал, можно сказать, самую непростую тему для начала 1950-х годов – «Толстой и Бунин», когда значительная часть бунинского наследия оставалась недоступной. К 1954 году относится первая публикация О. Михайлова (в соавторстве с П.В. Палиевским) – рецензия, напечатанная в журнале «Октябрь».

В 1955 году после окончания с отличием университета О. Михайлов поступил в аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького (в то время АН СССР). Тогда же им был открыт, по его словам, «огромный материк литературы русского зарубежья». В дальнейшем исследовательская работа ученого позволила объективно и по-новому оценить наследие главных представителей литературной эмиграции: Бунина, Куприна, Мережковского, Шмелёва, Зайцева, Ремизова, Тэффи, Замятина и многих других. Уже будучи известным писателем, в 1989 году он вернулся в ИМЛИ, чтобы возглавить созданный им Сектор литературы русского зарубежья, основал серию выпусков «Литература русского зарубежья. 1920–1940», которые, если рассматривать их в совокупности, на сегодняшний день дают наиболее полную картину литературной жизни эмиграции первой волны. Не все творческие планы осуществились: в ближайшие годы предполагалось написать монографию «Борис Зайцев. Судьба и творчество», вынашивалась мечта о подготовке академического собрания сочинений Куприна – его он ставил наиболее высоко в русской литературе XX века.

Заседания, которые вел О. Михайлов, всегда проходили в атмосфере свободной дискуссии, непринужденности, при полном отсутствии казенщины и какой-либо фальши. После окончания обсуждения работ и «официальной» научной части никто не расходился. Иногда, если заседание проходило в институтском конференц-зале, кто-то садился за стоявший там рояль, на сто-

ле появлялось сухое вино. У него был музыкальный слух, он исполнял оперные арии, мог затянуть военную песню или гимн Российской империи. Память писателя хранила многочисленные детали московской литературной жизни конца прошлого века, вспоминал он и своих университетских учителей, но особенно любил читать наизусть стихи. Среди ценимых им поэтов был Сергей Чудаков – «русский Вийон»; его стихи звучали наиболее часто:

Этот бред, именуемый миром,
рукотворный делирий и сон,
энтомологом Вилли Шекспиром
на аршин от земли вознесен.

Хотелось бы особо выделить главную, можно сказать, знаковую особенность научного творчества О. Михайлова. Написанное им всегда вызвало живой интерес – помогал опыт писателя, убежденного, что любая литературно-критическая статья должна иметь свой сюжет. Судьба подарила ему талантливое и легкое перо: все, что он ни создавал, – будь то проза или теоретическая работа, – неизменно увлекало читателя, даже при отсутствии у него филологического образования. Во время страшного ночного пожара сгорела библиотека, архив и рукописи, но в ИМЛИ остались две объемные папки недавно завершеного фундаментального научного труда «Литература русского Парижа», который ждал утверждения на ученом совете. Этот труд, волей обстоятельств ставший последней книгой О. Михайлова, дает широкую панораму литературной жизни и творческой деятельности писателей-эмигрантов во Франции. Подобное исследование мог провести только он – благодаря энциклопедической эрудиции и собранному за долгие годы уникальному и богатейшему архиву. И сейчас задача его коллег видится в том, чтобы в ближайшее время подготовить к публикации чудом сохранившуюся рукопись.

По складу характера человек общительный, Олег Николаевич в последние годы тяжело страдал от одиночества. Он «оживал» лишь тогда, когда нарушал свое дачное затворничество – появлялся в ИМЛИ или в Переделкино наезжали друзья. Если же этого не происходило, звонил вечерами институтским коллегам, близким ему людям и рассказывал, рассказывал... Секретов у него не было. Диалог постепенно переходил в длившийся около часа предельно откровенный монолог о жизни и смерти, о литературе, о прошлом, но чаще он говорил о том, что болело больше всего, – о мучительном чувстве брошенности, об ушедшей жене и уехавшей в Америку дочери, разлука с которой затянулась на долгие десять лет.

После трагедии мысленно обращаешься к опубликованным в 2008 году воспоминаниям О. Михайлова «Вещая мелодия судьбы» – книге исповедальной и во многом пророческой, в которой в полной мере воплотился мудрый талант оценивающего пройденный путь писателя, философа и ученого. Воспоминания заключают в себе парадоксальное сочетание не только биографии незаурядного и страстного человека, но и литературно-исторического труда, который, говоря языком диссертантов, «ввел в научный оборот» многие документы, оригиналы которых сейчас утрачены. Все они удачно вплетены автором в ткань художественно-биографического повествования. Здесь нашла отражение многолетняя эпистолярная дружба с Борисом Зайцевым – прозаиком, в свои девяносто лет пережившим почти всю «старую» эмиграцию. Не менее ценна переписка с племянницей Ивана Шмелёва Юлией Кутыриной, с князем Шаховским – архиепископом Иоанном Сан-Францисским и с Александром Сионским – литератором и белым офицером, активным членом Русского общевойскового союза. Отдельная глава посвящена В. Шульгину, который принимал отречение у последнего русского царя. Вместе с тем в книге ярко выражено поэтическое начало, много стихов, лирическим отступлением является, по существу, эпилог «Бессонное окно». Повествование приближается к концу: завершающие строки чем-то напоминают финальные аккорды «Вечерней серенады» Шуберта (любимого композитора О. Михайлова), проникнутые тихой грустью и лиризмом. После смерти писателя они воспринимаются как последняя молитва о сострадании к ближним: «В этот час одиночества и суда над собою мне жаль людей. Жаль друзей, доверяющих мне, преданных мною и меня предающих... И жаль врагов, резких, злых, свой живот положивших на то, чтобы каждую минуту, каждое мгновение быть готовым на удар, полемику, подлог... И жаль простодушных, застенчивых, страдающих от непонимания... Окно гаснет. И постепенно на положенный срок тускнеет, гаснет и мое сознание.

– Ты потушил свой фонарь! До свиданья, до завтрашней встречи!»

Но встречи уже не будет. Трагическая гибель О. Михайлова – невосполнимая утрата для всех нас, для русской культуры, литературоведческой науки, «золотой век» которой этот человек, несомненно, олицетворял. Дожить до «реформы» РАН, служба которой он написал ценимые во всем мире литературоведческие труды, ему было не суждено. С уходом «последних могикан» кончается целая эпоха и в жизни ИМЛИ, и всей литературы нашей, как еще раньше невозвратно ушла в прошлое воспетая им «малая родина» – «страна Тишинка».

Аккордам «вещей мелодии судьбы» человека, столь щедро наделенного творческой силой, добротой и богатством души, уже не дано звучать. Но их отзвуки по-прежнему будут слышаться в его книгах и в наших сердцах.

Сведения об авторе:
Юрий Алексеевич Азаров,
докт. филол. наук
ведущий научный сотрудник
ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Yuri Azarov,
Doctor of Philology
Leading Scientific
Gorky Institute of World Literature RAS